На самолетах, построенных вами, мы храбро бились за победу

КОЛХОЗНИКАМ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Дорогие товарищи колхозники и колхозницы Курской области!

Шлем вам свой горячий привет и поздравляем с 29-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции.

В дни Великой Отечественной войны вы, вместе со всеми советскими людьми, трудились на благо нашей Родины, помогали разгромить врага — гитлеровскую Германию. На собранные вами средства вы приобрели эскадрилью боевых самолетов «Курский колхозник» и вручили нашим летчикам.

Наши летчики и механики с честью выполнили ваш наказ — на ваших боевых машинах они беспощадно громили фашистских захватчиков. Более 100 боевых вылетов произвели на них летчики Паньшин и Лаптев. За боевые заслуги получили высокие награды капитан Творогов, старшие лейтенанты Лаптев, Паньшин, летчики и техники Безруков, Ерин, Мальцов, Сиверс, Аксенов, Святец и другие.

Вся наша часть удостоена высоких правительственных наград — орденов Александра Невского и Кутузова 3 степени. Весь личный состав части награжден медалями «За победу над Германией», «За взятие Берлина» и «За освобождение Праги».

После окончания войны перед нашим народом встала новая задача — быстрее залечить раны, нанесенные войной, и двинуть вперед развитие нашего народного хозяйства по пути к коммунизму.

Мы призываем вас честно трудиться на своих участках и своевременно выполнять обязательства перед Родиной. В этом залог успешного выполнения новой сталинской пятилетки по восстановлению и развитию сельского хозяйства.

Заверяем вас, дорогие товарищи колхозники, что мы в свою очередь будем с честью выполнять указания товарища Сталина, осваивать опыт Великой Отечественной войны, неустанно повышать военные и политические знания, зорко охранять мирный труд нашего народа.

Письмо принято на общем собрании части. По поручению собрания письмо подписали:

Майор ТУРОВ, капитан АРТЮШИН, мл. лейтенант ЛЕЖИН.

СНОВА РОДИНА, СНОВА ЖИЗНЬ!

Когда очень близко смотришь на картину, краски сливаются в пеструю мазню и каждый мазок оскорбляет тебя своей подчеркнутой реальностью. Но стоит тебе отойти от картины на несколько шагов, и ты очутишься во власти великого замысла художника. Ты начинаешь дышать воздухом этой картины, тебя овевают ее ветры и окрыляет мечта ее творца.

Время отодвинуло меня от тех страшных дней, которые нависли тогда над моей Родиной черной грозовой тучей. И как четко вижу я теперь каждый из этих скорбных дней...

Светлая аудитория пединститута... За окном наши буйные курские сады, а в душе—надежды, светлые, как волны родного Сейма. Но вот пришла война...

...Гул вражеских самолетов, черные страшные ночи, опаленные вспышками зажигательных бомб, тревожные сводки о ходе военных событий и баррикады, баррикады на углах улиц.

...Эвакуация... Люди спешно уезжали из Курска. Моя мать работала в госпитале, с которым должны были выехать из города и мы. В одну из бомбардировок мать тяжело ранили.

И вот я опять отодвигаюсь от страшной картины, но мне уже с трудом удается соединить в одно целое ее разорванные куски.

В городе жадная стая серых волков. Это враги, это—немцы...

Однажды ночью они увели моего отца. Заросший, всклокоченный и больной, как он был страшен, когда они без шапки вели его по безлюдной заснеженной улице. Он не вернулся больше домой.

Какие метели выли в ту зиму! Какие морозы сковали тогда землю. Говорят, что этой страшной зимой от мороза трескались камни...

* * *

Когда нас, как животных, затолкали в грязные теплушки, когда я услышал лязг железного засова, я понял, что бежать мне не удастся.

Бессилье! Что страшнее тебя?! Можно было бить кулаками в дверь, можно было биться об нее головой, можно было скрести ее ногтями до тех пор, пока из-под них не брызнет кровь, — но все это было бы бесполезно...

...Брауншвайн. В переводе на русский язык это значит: коричневая свинья. Здесь, в этом городе, нам в первый раз за трое суток дали еду. Мы получили по нескольку гнилых картофелин. В этом городе я понял, что такое колючая проволока, если она в три ряда оплетает твой барак и в десять рядов—твое сердце. Здесь я узнал новое блюдо—зеленый шпинат без крупинки соли. Здесь, в этом проклятом и проклятом городе коричневой свиньи, я узнал, что такое каторжный труд. Я попал на металлургический завод Германа Геринга.

Что такое дантовский ад с его нечеловеческими муками по сравнению с этим настоящим адом! Если бы вы только знали, каким нестерпимо удушливым воздухом дышали мы, уже полуотравленные им! Если бы вы видели эти пышащие огнем, раскаленные добела болванки, которые мы должны были поднимать на движущиеся конвейеры! И если бы вы видели, как нас, свалившихся без сил возле этих конвейеров, били по голове и по лицу...

Лучшее лекарство для потерявшего сознание русского—ведро холодной воды на его голову, так считали немцы.

Лучшее лекарство для русского—гнилая брюква и зеленый шпинат, так считали немцы.

Лучшее развлечение для немецких полицейских заключалось в том, что человека, едва передвигавшего ноги, хватали и окунали в бочку с нечистотами.

Лучшая раса на земле—это арийская раса, так считали немцы.

* * *

В первый раз я бежал с этой каторги ночью. Со мной бежали Георгий Асланов и Николай Скворцов. Надо было стать ящерицей, чтобы зоркие немецкие глаза не смогли увидеть тебя. Мы беззвучно пробрались к воинскому эшелону, нам удалось спрятаться в сено в одном из товарных вагонов. Нас сняли под Берлином. Как они били нас!...

Лагерь № 21... Те, которые были в страшной неволе, хорошо знают, что это такое. Первая ночь, проведенная нами здесь, была непередаваемо тяжела. Мы терзали друг друга стонами, тщетно стараясь заглушить эти стоны. В эту ночь я бредил. Я помню, что перед мной ставала картина художника Шнейдера. На ней был нарисован голый, лишенный всего человек. Он стоял спиной ко мне, с низко опущенной головой, его руки крепко сжимали железные браслеты, цепи от которых спускались до самой земли. Страшное, черное чудовище караулило каждое его движение. Оно раскинуло громадные лапы, не то щупальцы, не то клещи, и устремило на него два горящих глаза. Кроме этих глаз ничего не было на черном лице. Под картиной стояла надпись «Чувство зависимости».

* * *

Второй раз я бежал из лагеря Свалки, немцы называли его «Реппер». Опять со мной бежал Георгий, и опять нас поймали и опять били, били, били...

Милый мой товарищ, где ты теперь? Где ты, непокорный, непокоренный и непокоримый?! Я потеряя тебя из виду, но я знаю, что где бы ты ни был, ты никогда не простишь проклятым фашистам наших мук. Ты наверное помнишь, что за второй побег нас спустили в шахты, где мы должны были добывать медную руду. Ты наверное помнишь и то, что оба мы были похожи тогда на скелеты. Не мог ты забыть и горячего шлака, на котором нас заставляли работать. Я знаю, что ты хорошо помнишь ожоги на наших руках и помнишь, как дымились у нас на ногах горящие деревянные колодки.

Да, мой товарищ, русские непокоримы!

* * *

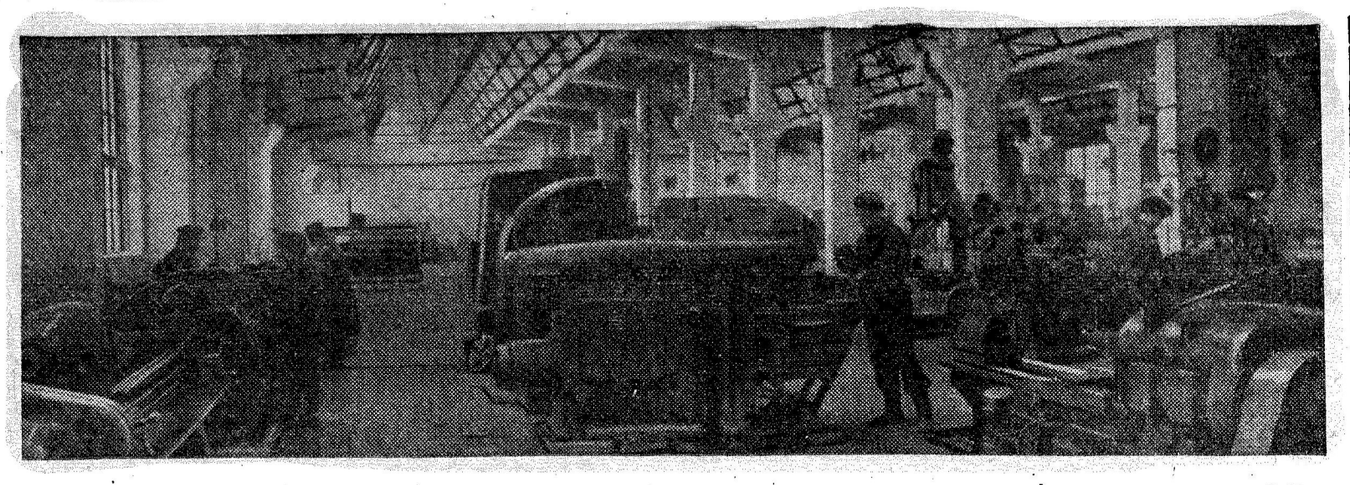
Снова Родина! О, наконец-то! Снова я увидел тебя, мой родной Курск! Не яркими ландшафтами мила ты мне, моя отчизна! Ты дорога мне свежестью своих трав, оврагами, заросшими орешником, и вольным простором моих русских полей.

Мне дорог героизм русского народа, его могучая воля, мне дорога каждая страница славной истории моего народа. Как жаль, что слаб и блекен мой язык, не в силах он выразить глубокие чувства, волнующие меня.

Тепло встретила меня моя Родина. Какой любовью и заботой окружила она меня! Вот я опять—студент исторического факультета пединститута, снова вхожу я в мою светлую аудиторию, меня окружают чуткие товарищи, внимательные педагоги и мне уже начинает казаться, что не было этих трех лет черной неволи.

Знания свои, силы свои, каждое свое дыхание я отдам тебе, моя великая отчизна!

Виктор РОМАНОВ, студент II курса пединститута.



НОВАЯ ПЯТИЛЕТКА—В ДЕЙСТВИИ. На снимке: механический цех строящегося в Курске аккумуляторного завода, вступивший в строй накануне Октябрьского праздника. Фото А. Говорова.

ШИРОКИЙ ШАГ

Семен Сумин задержался в Копышевке и под'езжал к родному селу уже в поздний час. Машина медленно, словно наощупь, пробиралась в тумане. Запотело стекло, и шофер, высунувшись из кабины, чертыхался, проклиная и туман и позднюю дорогу...

Вдруг впереди, на горе, вспыхнули огни.

— Не в Дмитриев занесла нас нелегкая?

— Нет, не в Дмитриев,—улыбаясь сказал Сумин. —Это, брат, Арбузово наше светит...

У озаренной электричеством мельницы Сумин попросил:

— Останови на минутку, пойду узнаю, как тут дела.

В прокуренной насквозь комнате мельника сгрудился народ—помольцы из окрестных сел. Говорил старик, остролицый, сухощавый, в овчинном треухе.

— Нет, не скажи, широко шагают! Оно, конечно, и у нас нынче народ до хорошей жизни жаден, ан нет у нас такой хватки. А тут вцепились и тянут, тянут. Все им мало... Давеча мельника спрашиваю: ну что, вот теперь осветились, радио поставили, чего ж дальше? «А вот, — говорит, — кинотеатр откроем к празднику, а потом воду наверх потянем». Далеко, вишь, им стало за водой сюда к речке ходить...

— Не ко времени хлопоты,—отозвался из угла чернобородый мужчина.—Тяжелый год нынче, о том ли толковать — водопровод, свет... Тут ладу не дадим, чем скотину кормить...

— Э, не знаете вы арбузовцев,—сказала женщина.—Мы вот с ними соседи — деревня наша Черная Грязь называется. Знаем— смелый народ. Они в эту засуху по полтора кило на день дают... А в хороший год, хвалятся, по пять бы дали... Мы своему председателю уши забили: езжай, учись у людей жизнь устраивать.

— Председателю—это правильно, — заметил старик. — Ежели председатель мечту перед собой заимеет, он народ поведет. А то вот у нас: как помолотили, так он—на печку. Я ему говорю: «Степаныч, давай мозгами раскинем—как жить-быть, куда дело вести», а он: «мы, папаша, нынешнего года планы повыполнили, давай людям голову не забивать. Дождемся весны—посеем». А тут, по всему видать, с мечтой председатель.

— Обыкновенный, — ответила женщина,—хороший, конечно, человек. С фронта вернулся. Сумин Семен Максимович. Не слыхали?

Сумин как подошел, так незаметно и отошел от двери. В ночном воздухе особенно шумно плескалась вода, провода гудели торжественно и напевно.

— Хочешь, послушай,—про нас спор ведут,—сказал он шоферу.—Какой мы народ—арбузовцы...

— Завидки берут на жизнь вашу?

— Завидки. Ишь как старик сказал: широко шагаем!..

★

Широко шагают! По многим дмитриевским и конышевским селам идет молва о колхозе «Путь Ильича». Как на дрожжах, быстро идет он в гору, и беспокоит и волнует людей своими успехами и новшествами.

Еще прошлой зимой арбузовцы пустили свою гидроэлектростанцию на Свапе. И с тех пор без единого перебоя она освещает все хаты колхозников, и клуб, и мастерские, и фермы. Электричеством здесь обмолотили весь хлеб, нарезали силос, запаривают корма; скоро пойдет электрическая шерстебойка.

Потом арбузовцы устроили радио и провели его сразу в 50 хат, а теперь уже в каждую хату—и снова разговор по деревням: ведь знают люди, что до сих пор радиоузлы были лишь в районных центрах.

А теперь пошел слух, что приезжали в Арбузово инженеры, обещали к новому году пустить водопровод... Будто бы сперва установят по селу колонки, а через год проведут воду в каждую хату...

И, наконец, уже вот на днях счетоводы колхозные, раз'ехавшись с совещания из района, рассказали, что колхоз арбузовский, который, по общему мнению, должен был на все свои новшества солидно поистратиться и залезть в долги, собирается дать на трудодень по 3 рубля наличными деньгами.

Все эти вести тем более будоражат соседей, что знают они: Арбузово—деревня обыкновеннейшая. Нет у нее поблизости ни молочных рек, ни кисельных берегов. Земли—сплошь подзолы, и при единоличном житье-бытье брали здесь в наилучшие годы по 40 пудов с десятины. За войну Арбузово, как и большинство сел, разорилось до-тла. И вот—на тебе. Три с половиной года минуло, а какие успехи... Откуда они?

— От колхоза. В нем корень весь,—говорит Пелагея Родивилова, арбузовская звеньевая.

Ответ азбучный. А подумаешь—сколько в нем смысла!

Ну вот, урожай, — первая деревенская проблема. Как она решается? В первый год арбузовские женщины, как говорит Родивилова, «хлеб добывали горбом». Сошлись все вместе, вывели своих коров и трудились так, что теперь говорят фронтовикам: «Посмотрите на руки—это мозоли сорок третьего года». Урожай тогда вышел сам-пять, и преимущество колхоза сказалось лишь в том, что работали сообща. Но вот прошло два года, и когда, как говорит Родивилова, «стали и горбом и умом брать», колхоз показал свои новые преимущества. Появился трактор, и сеялки, и удобрения, и сортовые семена—это от государства. Сама артель обзавелась волами. И вот Вера Афонина и Пелагея Родивилова стали кормить землю удобрениями, стали сеять вперекрест и бороновать всходы.

А тут вернулись фронтовики—Семен Сумин, Иван Смолянинов... И колхоз начал наступать на подзолы солидно, как говорит Смолянинов—«всеми родами оружия».. И прежде всего, в ход пустили самое главное—севооборот. Разжились семенами клевера, выходили его и получили нынче сто двадцать пудов—хватит и себе и людям. Стало быть, севооборот выйдет не бумажный, а настоящий, с многолетней травой. Нынче в июне подняли пар и все озимые рассеяли сеялкой, подняли зябь. Так, на четвертый год колхоз пришел к культурному земледелию — к севообороту, к стройной системе паровой обработки земли, зяблевой вспашки, удобрений, рядового сева сортовыми семенами.

— И считайте,—говорит Смолянинов.—нынче в засуху взяли мы по 55 пудов на круг. А ежели клевер пройдет через все поля! А если всю землю распашем трактором! Что будет от наших подзолов? Сто пудов будет—при любой засухе сто пудов...

Поняв силу колхоза, люди здешние осмотрелись вокруг себя и увидели—как много можно настроить всего и создать. Появились фермы—сперва молочная, а затем свиноводческая, овечья; привезли пчел, пустили мельницу, завели огород, и дед Арсен со старухами насадил огурцов, капусты, помидоров, картофеля; он же, этот дед, не давал людям покоя, пока не с'ездили за саженцами — старику захотелось еще на своем веку отведать послевоенных яблок.

Так в какие-нибудь два года люди обзавелись пусть еще небогатым и не особенно доходным, но уже разносторонним хозяйством. И хоть фермам еще далеко до совершенства—пока на них молодняк, и хоть сад еще не скоро будет плодоносить; и хоть дед Арсен бранится— огород еще ведется не так хорошо, как ему хочется —нехватает сил,—но уже даже это молодое, только возникшее хозяйство дало в прошлом году 170 тысяч рублей дохода, а нынче даст 300 тысяч! И отчислив одну пятую часть в неделимый фонд и оплатив этим все приобретения, артель выдала в прошлом году по 2 рубля на трудодень, а сейчас—по 3.

★

Конечно, не по щучьему велению растет колхоз. «Мозоли сорок третьего года» не разгладились на руках арбузовских тружеников. Мы ехали в субботу по конышевским селам и видели ватаги разодетых девчат у завалинок. А в Арбузово встретили разве только деда Арсена, да и того на огороде, а к звеньевым пришлось итти на ток—они домолачивали коноплю. И в воскресное утро мы снова увидели людей на току, и на фермах, и у электростанции, — там укрепляли размытый водой откос...

— За 300 трудодней почти у каждого, — сказал счетовод, — за 300!

Чем больше знакомишься с арбузовцами, тем богаче становится содержание этой цифры. Нет, не просто труд по наряду бригадира, а подлинное творчество, какое-то особенно хозяйское, инициативное отношение к каждой работе отличает здесь большинство людей. Пять лет не был дома Андрей Васильевич Сумин—работал на заводах Урала. Пожилой уже человек, он устал за военные годы. Но вернулся—трех дней дома не просидел. Увидел— есть электростанция, а энергия только на свет идет, возмутился: какое добро пропадает, и пошел, и пошел ставить моторы—то на фермах, то в мастерских, собрал шерстебойку, приспособил силосорезку под электричество. И когда он утром идет в правление— каждый знает: опять что-нибудь родилось в этой беспокойной голове. А возьмите звеньевых или огородников, или животноводов, да всякого возьмите. Ведь не только труд свой, а мысли и страсть к новому делу и вдохновение,—все это он несет в колхоз.

Откуда же у людей это чувство хозяина, это ревностное отношение к общему?

— Нам, бездетным, что говорить,—ответила Вера Афонина,—мы люди вольные. Я—одна-одинешенька и меня колхоз куском хлеба к себе не вяжет. А почему стараюсь? Как тут сказать: просто интерес есть такой. Вы думаете, не приятно мне про себя в газете читать? Или плохо, ежели сидишь на слете в президиуме, как вон вчера, кругом—народу 700 человек, а секретарь райкома на тебя показывает, вон, мол, Афонина, 18 центнеров хлеба в засуху вырастила... Ну, других конечно колхоз и не только таким интересом привязывает. Вон сходите к Луковкиной да к Красулиной—спросите, почему они за колхоз держатся.

Зашли к Ульяне Луковкиной.

— Не ко времени гости,—сказала она, открывая дверь.—Смотрите, какой разор, строюсь...

В хате и впрямь был разор. Две женщины мазали стены, старик стеклил окна.

— Припоздала я, а все к празднику—новая хата. Да вот спасибо люди помогли, то-есть колхоз. Вот вернулся б хозяин—разве поверил, что я с шестерыми детьми отстроилась... Только не вернется он.

Помолчали. Хозяйка задумалась. Притихли дети. Спутник наш, недавно избранный секретарь колхозной парторганизации Алексей Ткаченко сказал:

— Ничего, мать. Помогали и всегда помогать будем. То—наше дело... Она ответила:

—Тем и живу. Если бы не все вы и думать не хочется, чтобы было с моими девочками. Одна я работница...

Стоило ли еще спрашивать у этой женщины, почему она держится за колхоз?

—Конечно, сознательность у наших людей высокая,—говорил нам Иван Смолянинов, недавно вернувшийся с фронта.—Но разве это все? А порядок? Вон Афонина говорит—из-за интереса старается. Верно. Но спросите у нее, у Веры Ивановны, сколько она нынче сахара получает?—45 килограммов! Почти три пуда песку сахарного в засушливый год. А? Вот тут одно к одному; и преданность и интерес прямой, выгода, я бы сказал... У нас—звенья, и оплата по урожаю. В прошлом году срезали трудодни у неурожайников. И что ж? Собралось звено Валентины Любимовой и стало считать, почему оно на 30 пудов меньше хлеба получило, чем можно бы получить, а Афонина на 25 пудов больше. И выяснили—сама звеньевая дома сидела, плохо работала. И вот—выбрали звеньевой Клавдию Родивилову, да как взялись и нынче—в засуху, собрали по 9 центнеров на круг—это против 7 прошлогодних...

★

Колхоз не ограничивает людей. С каждым новым делом открываются и новые возможности. И смелеет народ.

—Жадные мы стали,—говорит Андрей Сумин,—жадные и нетерпеливые. Вот хлеб вырастили, фермы завели, доход получили. Все? Нет, свет понадобился. Станцию построили, лампочку в каждой хате повесили. Все? Нет, теперь люди требуют, чтоб побольше энергии было, чтоб можно было и труд электричеством облегчить, да и дома всякое устроить—то чайник, то утюг, то плитку... Радио захотели. Есть радио. Все? Нет, опять мало. Кино подавай! Кино завтра откроем. Опять мало—водопровод требуется. Инженеры советуют: давайте летом проводить, а мы—нет, сейчас! Будем мерзлую землю бить, а сделаем. Хотим скорее культурно зажить. Тут одно, что вкус к хорошей жизни появился, а другое—поверили—все ведь можно в колхозе сделать. Вон в газете вычитали—электропахота. Дело такое, что и говорить вроде боязно, уж больно далекое. А подумали—вполне возможная вещь. Я, вон, на Урале побывал, посмотрел на заводы и такое суждение имею: теперь к нам в село машины пойдут. И к нам, я так думаю, в первую голову пойдут, потому как мы у государства не нахлебники, не должники. Мы поперед всех заготовки в районе выполняем. Нынче вон 600 пудов поверх плана вывезли. Так что нам о своей собственной хорошей жизни не стыдно нынче думать...

★

Возвращаясь из Дмитриева, мы поздним вечером вновь проезжали Арбузово. Среди заснувших осенних полей, среди темных левад оно десятками мерцающих огней выделялось, как город. И вспомнился ночной разговор на мельнице. Да, арбузовцы уже заронили соседям чудесную искру хорошей зависти. Они еще раззадорят своим примером и конышевцев и дмитриевцев! Пусть же подумают люди: если сейчас, в засуху, в первый же год после того, как отвоевалась страна, можно в обыкновеннейшей деревне вершить такие дела, то какое же лучезарное завтра ожидает нашу деревню—колхозную деревню страны, устремившейся к коммунизму...

Г. РАДОВ

с. Арбузово, Дмитриевского района.

Н. КОРНЕЕВ

НАШ ОКТЯБРЬ

Умирают и праздники.
Только на книжных страницах
Мы находим их след
и потом забываем о них.
Но бессмертен Октябрь.
Он на Красную площадь столицы
Путь отыщет всегда
из народных сказаний и книг.
Громыхала «Аврора».
Буденновцев в седлах качало.
Сталин ехал в Царицын,
одетый в шинель, как солдат.
Но Октябрь—не в былом.
Петроград — это только начало.
Продолженье — Москва,
Ленинград,
Комсомольск,
Сталинград.
Продолжение — сила,
настойчивость,
честь и отвага —
От абхазских садов
до зеленых арктических льдин.
Продолжение —
нами от смерти спасенная Прага,
Продолжение —
наше вступление в дымный
Берлин.
Продолжение — домны
в дремучей зажженные чаще,
Продолжение — хлопок,
взращенный на диких песках.
Нет, Октябрь — не в былом.
Он везде и всегда в настоящем,
В наших праздничных песнях
и в будничных наших делах.
И в основанных нашими внуками
новых селеньях,
Через много веков,
в этот светлый и радостный
день
Люди вспомнят о нас,
о судьбе моего поколенья,
О годах пятилеток,
о нашем великом труде.
И в нарядных колоннах,
на праздничный митинг идущих,
Зазвучит наша песня
на улицах и площадях.
Нет, Октябрь — не в былом,
его вечная слава — в грядущем,
Мы ее сберегли
в справедливых, как правда,
боях.

ИМЕНИНЫ

В инее красные гроздья рябины,
Тонким ледком затянуло зарю.
Дочка! Сегодня — твои именины.
Все, что захочешь, тебе подарю.
Нам ли с тобою на малом мириться,
Наших богатств не развеять годам.
Я подарю тебе озеро Рица,
Все самородки Алдана отдам.
Все для тебя, моей девочки русой,
Только играла бы глаз синева!
Хочешь алмаз из короны Эльбруса?
Хочешь звезду из созвездия Льва?
Солнце горит над твоею душою,
Ветер поет, твое детство любя,
Я б подарил тебе счастье большое,
Только оно уже есть у тебя!

—o—

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ В КУРСКЕ

Вчера в областном драматическом театре состоялось торжественное заседание партийных, советских и общественных организаций, посвященное 29-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

В президиуме—руководители областных и городских организаций, депутаты Верховного Совета СССР.

Под бурные аплодисменты собравшихся в почетный президиум избирается Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с товарищем Сталиным.

С докладом о 29-й годовщине Октябрьской социалистической революции выступил председатель исполкома Курского горсовета тов. Малеев.

С большим под'емом участники заседания приняли приветственное письмо товарищу Сталину.

После заседания состоялся большой концерт, в котором выступили учащиеся музыкального училища и артисты филармонии.

Первый тост

«Отечество славлю,
Которое есть,
Но трижды, которое будет!»
В. МАЯКОВСКИЙ.

Товарищ!

Сегодня такой день, что я не могу молчать.

Все цветет и ликует. Это справляет свое торжество великий народ великой державы, народ, завоевавший себе бессмертие, народ-энтузиаст, народ-победитель, народ, который твердой рукой вписал в свое сердце гордый девиз—«Вперед!»

Отгрохотали дни величайших битв, и советские люди—вчерашние воины, засучив рукава, с головой ушли в великую стройку.

Оглянись вокруг, товарищ! Вот она, Россия, вся перед тобой: с перелесками, падями, синими лентами рек, с городами и пашнями. Посмотри, как быстро залечивает она свои глубокие раны. В тех местах, где, кажется, еще вчера, ничего не щадя, в дыму и пламени, прошагала жестокая война,—жизнь властно вступила в свои права. Растут и украшаются города. Подымаются над горькими пепелищами новые села, весело задымили возвращенные к труду заводы и фабрики.

Еще так недавно избранники героического народа, депутаты Верховного Совета СССР заседали в просторных залах Кремлевского дворца. Они намечали планы будущего. А сегодня... уже вздыбились в небо леса новостроек, уже заложены фундаменты новых гигантов индустрии, с удвоенной силой заработали фабрики и заводы, быстрее завертелись колеса шахтов, с небывалым напором заклокотала в трубах нефть, уголь—черный хлеб машин, бурным потоком ринулся на-гора. Новыми трудовыми подвигами встречает свой праздник народ.

Пройдет немного лет, и станет явью грандиозный план новой сталинской пятилетки. Вступят в строй молодые корпуса сотен заводов и фабрик. Ярче дневного света вспыхнет в ночи зарево новых домен и мартенов. В края, где еще недавно не было дорог, побегут по сверкающим рельсам тяжело груженые поезда. Поплывут во все концы света покачиваемые ленивой океанской волной армады новых кораблей. Из широких ворот заводов поползут стальной вереницей на просторы страны тракторы и комбайны, сойдут с конвейеров сияющие лаком автомобили. Реки, обузданные бетоном и сталью, послушно завертят турбины электростанций, заблещут в безводных пустынях каналы. Яркой радугой загорятся огни далекого Заполярья, новые рудники и шахты откроют человеческому глазу несметные земные богатства нашей страны. Из строгой тишины лабораторий и институтов явит миру гениальные открытия напряженная творческая мысль советских ученых.

Небывалые урожаи будет давать земля.

Как не гордиться тобой, как не славить тебя, моя несравненная Родина—страна тружеников и героев! Простая и мудрая, гордая и бесстрашная, рожденная дерзать и творить, ни разу не дрогнув в беде и сражениях, уверенно идешь ты навстречу своему славному будущему. И горе тому, кто попытается остановить твое победоносное шествие к коммунизму!

Помни, товарищ: города, села и пашни, горы, леса и реки—то, что мы зовем Родиной,—все это твое. Судьба отечества в твоих руках. Так тверже стой на своем посту! Во имя счастья и могущества отечества с каждым днем крепи и множь свои трудовые подвиги. Так приказывают Родина и Сталин.

Давай, товарищ, сегодня за праздничным столом подымем свой первый тост за того, кто выковал из нас железную гвардию строителей коммунизма, чей полководческий гений сквозь бури и грозы войны привел нас к сияющему дню победы, чья твердая направляющая рука показывает нам широкую дорогу в прекрасное будущее.

За товарища Сталина наш первый тост!

А. ФЛЯГИН.

Ответ. редактор М. ПАВЛОВ.

ИЕ 38267 Типография изд-ва газ. «Курская правда» Тираж 90000. Зак. 3941